Лисица рече:

О, злодей мои, проклятой куре, что ты меня учиш, яко дуру?
И сама я о том помышляла всяко, да невозможно свободити тя никако.
Великои ты братоубийца и в зависти блуднои ты кровопролиица.
Один бы ты блудил, а иных бы и до смерти убил.
Сам ты то любил, а иных за то губил.
И то себе ныне внемли, что уже не быть живу тебе на земли.
Вижу я и сама, что тебе приходит тошно, а свободить тебя еи еи неможно.

Кур рече:

Помилуи мя, мати моя, беднаго и в скорби сущаго, ни откуда же помощи имущаго.
Видишь ли яко хвор есмь и зело вреден, а на пищу тебе еи еи не потребен.
Помилуи мя от сей смерти нечаемои, хотя и в муку буду нескончаем.
О горко и страшно смерть живущим и всякое дыхание имущим.
Лутче бы не родитися, когда смерти не свободитися.

Лисица рече:

Что ты мне, куре, докучаеши или себе и вправду живота чаеши?
Истинно тебе глаголю, неложно, и никако тебе живу быть невозможно.
А слез ты пролей хотя реки, но не свобожду тя и во веки.
Осудила я уже тебя потребити, и никако тебе меня будет не умолити.
Понеже многую досаду некогда от тебя принела, и таковои досады от роду себе не видала,
Помниш ли ты, как на земли был глад,[1]
И от того гладу сердце во мне изныло, (л. 122) а купить пищи не на что мне было.
И нечего мне было в то время есть, и я кушала лук да ретку и то в честь.
И ходила я по лесу, збирала сморчки, да и то насилу видела и в очки.
И тем себе срамоты многия доставила, а пустыннаго жития своего никак не оставила.
И приходила к вам на гумно збирать колосу, а не чаяла я твоего, злодей мой, голосу.
И хотела я тебя попостовать умилно, а ты увидевши меня и закричал унывно.

[1] Здесь пропущен рифмующий стих: «а ты в те времена был млад» Q. XIV. 27.